

ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ОТ ПЫТОК В КЫРГЫЗСТАНЕ

Кыргызская Республика наложила запрет на применение пыток. В 1997 году страна ратифицировала Конвенцию ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (КПП)¹, а в статье 22 Конституции² закреплены обязательства республики по недопущению и пресечению пыток: «Никто не может подвергаться пыткам и другим бесчеловечным, жестоким или унижающим достоинство видам обращения или наказания». Несмотря на это, пытки продолжают носить повсеместный характер. В ходе своего недавнего визита в Кыргызстан, состоявшегося в период с 5 по 13 декабря 2011 года, Специальный докладчик ООН по вопросам пыток профессор Хуан Мендес отметил, что «...пытки и жестокое обращение являются широко распространенным явлением».

Проблема применения пыток особенно остро проявилась при расследовании преступлений, связанных с июньскими событиями. В августе 2010 года Генеральная прокуратура объявила о возбуждении более 3 тысяч уголовных дел, связанных с июньскими событиями на юге страны. Согласно данным «Хьюман Райтс Вотч», эти уголовные расследования сопровождались массовыми нарушениями прав человека, включая пытки, незаконное задержание и жестокое обращение с задержанными.³ Уголовное преследование в основном носило дискриминационный характер, где 85% задержанных составляли этнические узбеки.⁴ Согласно отчету Международной независимой комиссии по исследованию событий на юге Кыргызстана, жестокое обращение с заключенными в первые часы задержания применялось практически в каждом случае, вне зависимости от места содержания под стражей.⁵ К заключенным применяли различные способы жесткого обращения, включая избиение по всему телу кулаками, дубинками, металлическими прутьями и прикладами, применение электрического шока, удушение с помощью противогаза или пластикового пакета, прижигание сигаретами и вырывание ногтей.⁶

Слабость центральной власти после событий на юге, отсутствие должного процесса и контроля в судебных разбирательствах и работе правоохранительных органов, позволила сотрудникам ОВД допускать произвольные задержания, жестокое обращение, пытки, вымогательства.

Как отмечают эксперты в сфере прав человека, несмотря на то, что человека пытает человек, и персональная ответственность играет определенную роль, именно государство, в лице его институтов и аппарата правопорядка, должны задавать стандарты и создавать условия, при которых общество должно предупреждать пытки.

Решить проблему пыток в Кыргызстане на политическом («нет политической воли»), экономическом (коррупция, низкие зарплаты, недостаточное материально-техническое оснащение), институциональном (низкая ведомственная заинтересованность, низкий профессиональный уровень персонала) или психологическом («менталитет» или степень профессионализма) уровнях гораздо труднее, чем на уровне законодательства и

¹ Кыргызская Республика соблюдает Конвенцию (КПП) через Закон КР от 26 июля 1997 года, № 47

² Конституция Кыргызской Республики, принятая на референдуме 27 июня 2010 года

³ «Где справедливость?» Межэтнические конфликты на юге Кыргызстана и их последствия, «Хьюман Райтс Вотч», 2010 г., стр. 49

⁴ Там же, стр. 44

⁵ Отчет Международной независимой комиссии по исследованию событий на юге Кыргызстана в июне 2010 г., п. 278

⁶ Там же, п. 279

правоприменительной практики. В нынешних сложных условиях именно изменение законодательства и правоприменительной практики позволит добиться сокращения сферы применения пыток и будет способствовать их постепенному искоренению. В настоящее время в данном направлении необходимо приведение национального законодательства в соответствие с международными стандартами, обеспечение гарантий защиты от пыток в законе и на практике, проведение быстрых и эффективных расследований и привлечение соответствующих лиц к ответственности.

Настоящий анализ рассматривает общие вопросы предупреждения пыток, роль правоохранительных органов в предупреждении и пресечении пыток, а также предлагает краткий обзор пробелов в законодательстве Кыргызской Республики, позволяющих совершать пытки, и содержит рекомендации по их устранению.

1. Соблюдение гарантий защиты от пыток во время и после задержания

Согласно статье 95 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (УПК КР), арест и задержание подозреваемых или даже осужденных лиц должны завершаться не позднее трех часов «с момента фактического доставления задержанного в место содержания под стражей». Данная норма не соответствует международным стандартам гарантий защиты от пыток, согласно которым официальное предъявление обвинения и оформление задержания должны осуществляться не с момента фактического доставления задержанного, а с момента фактического задержания/помещения под арест.

На практике правоохранительные органы часто удерживают задержанных на срок более трех часов в ненадлежащих условиях содержания и в неофициальных местах заключения, таких как служебные кабинеты сотрудников уголовного розыска, патрульные машины, подвалы, без оформления протокола о задержании и без доступа к внешнему миру. В таких случаях человек фактически находится *incommunicado*, когда о его местонахождении не проинформированы близкие родственники, адвокат или медицинские работники. Именно в эти первые часы задержания лица подвергаются пыткам и жестокому обращению.

Что же способствует практике незаконного задержания и нарушения прав подозреваемых?

1.1. Законность задержания или обеспечение защиты прав подозреваемых с момента фактического лишения свободы

В Кыргызской Республике, как и в большинстве других стран бывшего Советского Союза, пытки или иные жестокие, бесчеловечные, унижающие достоинство виды обращения имеют тенденцию совершаться оперативными работниками правоохранительных органов в первые часы после задержания. По результатам мониторинга правозащитников, на органы внутренних дел приходится «...более 87% всех фактов пыток». Со слов активиста гражданского общества Абдыкерима Аширова, «в основном, задержанных пытаются сотрудники оперативно-розыскной службы органов внутренних дел».⁷

С мнением правозащитников согласны и представители власти. В июне 2012 года Генеральный прокурор Кыргызской Республики Аида Саянова заявила, что «применение

⁷

“Сможет ли эксперт ООН остановить пытки в Кыргызстане?” <http://polit.kg/conference/4/127>

пытков стало чуть ли не частью профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов».⁸

«Пытки совершают непосредственно оперативники», - подтверждает депутат Жогорку Кенеша Улукбек Кочкоров.⁹ Наконец, Генеральный прокурор согласилась с тем, что: «подавляющее количество жалоб поступает на действия сотрудников правоохранительных органов в ходе осуществления ими оперативно-розыскных мероприятий».¹⁰

Оперативно-розыскные службы – это подразделения государственных органов, уполномоченных на проведение оперативно-розыскной деятельности. К ним относятся органы внутренних дел, органы национальной безопасности, органы военной разведки Министерства обороны, органы финансовой полиции, таможенные органы, органы уголовно-исполнительной системы, органы Пограничной службы и органы по контролю наркотиков.¹¹ Согласно пункту 3 статьи 19 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», сотрудники оперативно-розыскных подразделений в своей деятельности подчиняются «только своему непосредственному начальнику». В соответствии с тем же законом, финансовые средства на проведение оперативно-розыскных подразделений выделяются из государственного бюджета, распределяемого между всеми государственными органами, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность. Сумма средств, выделяемых государством каждому из таких органов, определяется руководителями этих органов.

К основным причинам применения пыток властью сами представители правоохранительных органов относят «серьезные организационные недостатки и отсутствие должного контроля над деятельностью оперативных подразделений».¹² Между тем, контроль над оперативно-розыскной деятельностью, предусмотренный законом, осуществляется только внутренними силами самих государственных органов, уполномоченных проводить оперативно-розыскные мероприятия. Единственной формой внешнего контроля над оперативно-розыскной деятельностью, предусмотренной законодательством Кыргызской Республики, является прокурорский надзор, осуществляемый Генеральным прокурором. Вместе с тем, прокурорский надзор над оперативно-розыскной деятельностью ограничен проверкой документов, «послуживших основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий».¹³ Законом не предусмотрен надзор за «организацией, тактикой, методами и средствами осуществления оперативно-розыскной деятельности».¹⁴ Согласно последнему пункту статьи 7 Закона КР «Об оперативно-розыскной деятельности», «организация и тактика проведения оперативно-розыскных мероприятий составляют государственную тайну».

⁸ «Аида Саянова: В Кыргызстане применение пыток стало чуть ли не частью профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов»

<http://24kg.org/community/130408-aida-salyanova-v-kyrgyzstane-primenenie-pytok.html>

⁹ «Комитет ЖК одобрил поправки в УК КР, предусматривающие ответственность оперативников за применение пыток» <http://www.for.kg/ru/news/166904/>

¹⁰ [24 мая 2012 года, Генеральный прокурор Кыргызской Республики Аида Саянова выступила в Жогорку Кенеше Кыргызской Республики с докладом о состоянии законности в республике за 2011 год](http://www.prokuror.kg/?news/shownovelty/261)

¹¹ Статья 16 Закона Кыргызской Республики «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изменениями и дополнениями от 26.09.2010 г.)

¹² «В Киргизии сотрудники отделения милиции, в котором был до смерти избит гражданин России, отделались выговорами и увольнением» <http://www.news-asia.ru/view/1547>

¹³ Пункт 2 ст. 23 Закона Кыргызской Республики «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изменениями и дополнениями от 26.09.2010 г.)

¹⁴ Вторая фраза п. 3 ст. 23 Закона Кыргызской Республики «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изменениями и дополнениями от 26.09.2010 г.)

При органах исполнительной власти, в том числе правоохранительных органах, Указом Президента КР №212 от 29.09.2010 предусмотрено создание общественных наблюдательных советов. Такой общественный наблюдательный совет существует и при МВД, однако какого-либо контроля или надзора за деятельностью оперативно-розыскной службы министерства он лишен. Таким образом, оперативно-розыскные службы действуют в отсутствие надлежащего контроля извне и, как показывает практика, в условиях полной вседозволенности, где нет последствий.

В соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства, на органы, осуществляющие оперативно-розыскные мероприятия, возлагаются задачи по предупреждению преступлений и обнаружению лиц, их совершивших. Согласно ст. 1 УПК КР, эти органы являются частью судебной системы. Однако ни одна норма УПК КР не регулирует порядок производства оперативно-розыскных мероприятий, не определяет статус лиц, вовлеченных в их производство, а главное, не предусматривает их права и обязанности. Считается, что эти вопросы отрегулированы в Законе «Об оперативно-розыскной деятельности», но и это не так.

Исследования показывают, что оперативно-розыскные мероприятия, в ходе или вследствие которых применяются пытки или иные, запрещенные законом виды обращения, нередко классифицируют следующим образом: «опрос граждан», «оперативная установка», «оперативная проверка».

Рассказывает мать молодого человека, обвиняемого в убийстве: «Оперативные работники задержали моего сына [...], посадили в машину, надели наручники, на голову мешок и увезли в неизвестном направлении. Как потом оказалось, его отвезли в ГОМ-10, где более 14 часов как фашисты издевались над ним».¹⁵ Другой пример. Задержанный по подозрению в совершении преступления в октябре 2010 года молодой человек «в процессе дознания» был подвергнут «жестокому избиению» шестью оперативными работниками Управления государственной службы финансовой полиции, в результате которого получил серьезные травмы головы и мягких тканей.¹⁶ 7 апреля 2012 года, по прошествии всего нескольких дней после применения пыток оперативными работниками в ходе «допроса», 40-летний мужчина пытался покончить жизнь самоубийством. По словам брата жертвы, «сотрудники милиции в количестве 6-7 человек поочередно, заковав [подозреваемого] в наручники, [в течение нескольких часов] избивали его, оскорбляли матерными словами, унижали его человеческое достоинство, добиваясь признания вины».¹⁷

При проведении подобных оперативно-розыскных мероприятий совершению пыток или иных незаконных видов обращения способствует невозможность задержанных полагаться на права, предусмотренные законом для участников уголовного процесса. До возбуждения уголовного дела или вынесения постановления о возбуждении уголовного дела в отношении подозреваемого задержанные в ходе оперативно-розыскных мероприятий не являются участниками уголовного процесса – их не «допрашивают с соблюдением всех формальностей», а «опрашивают»; не «вызывают на допрос», а «приглашают на беседу»; адвоката не предоставляют; родственников об их местонахождении не уведомляют и т.п..

¹⁵ «Обращение матери Эркина Турусбекова, обвиненного в убийстве певца Микаэля, к президенту, премьеру, Генпрокуратуре и ГКНБ» <http://www.knews.kg/ru/action/11338/>

¹⁶ <http://www.labrys.kg/index.php?show-post=286>

¹⁷ «Как после пыток милиционеров подозреваемый чуть не покончил самоубийством» <http://www.ombudsman.kg/ru/news/806-2012-06-12-04-11-28.html>

Таким образом, нередко пытки и иные запрещенные законом виды обращения применяются в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений.

«Руководство МВД не отрицает, что сотрудниками их ведомства применяются пытки. Они также согласны с тем, что такой метод допросов нужно искоренять. При этом задают вопрос: как иначе мы будем расследовать преступления?» - говорит руководитель Общественного фонда «Голос свободы» Сардар Багишбеков. «Оперативные работники [говорят]: мол, подозреваемый сидит перед нами и молчит. Что нам с ним делать? Приходится выбивать признания или информацию».¹⁸

Закон КР «Об оперативно-розыскной деятельности» допускает возможность «вынужденного причинения вреда охраняемым законом интересам» и гражданам при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, но запрещает должностным лицам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, «совершать действия, создающие реальную угрозу жизни, здоровью и имуществу граждан». Единственным обстоятельством, предусмотренным законом, которое могло бы объяснить применение сотрудниками оперативно-розыскных служб «действий, создающих реальную угрозу жизни и здоровью граждан», являются случаи «крайней необходимости и необходимой обороны», на что, действительно, списывают факты применения пыток, если они получают общественную огласку. При этом заявителю предъявляют ответное обвинение в «сопротивлении сотруднику милиции» или «невыполнении законных требований сотрудника милиции». Также распространена практика, когда получение телесных повреждений потерпевшим путем фальсификации заключений судебно-медицинской экспертизы и других документов относят к периоду за пределами запротоколированного времени нахождения потерпевшего в правоохранительных органах, а значит вне их причастности.

Как правило, пытки и иные виды незаконного обращения намеренно совершаются именно в первые часы (в некоторых случаях даже дни) после задержания, т.к. в этот период задержанный не является официальным участником уголовного процесса (подозреваемым) и, следовательно, не имеет права на гарантированную пунктом 5 части 1 статьи 40 УПК КР надлежащую правовую процедуру, которая предусматривает право подозреваемого на адвоката, право на уведомление и право отказаться от дачи показаний.

И хотя пунктом 5 статьи 24 Конституции Кыргызской Республики предусматривается обеспечение безопасности и защиты лицу с момента фактического лишения свободы, а лишение свободы, согласно пункту 2 статьи 22 Конституции, не отменяет права на гуманное обращение и соблюдение человеческого достоинства, с задержанными часто обращаются негуманно, не считаясь с требованиями Конституции, действуя в узковедомственных интересах.

Это подчеркивается в докладе Специального докладчика ООН по вопросу о пытках от 21.02.2012 года по итогам его миссии в Кыргызстан в декабре 2011 года, где отмечается «общая практика применения пыток и жестокого обращения со стороны сотрудников милиции после ареста и в первые часы неофициального допроса».

¹⁸ «Невероятно, но факт: в Кыргызстане чаще всего пыткам после задержания подвергаются женщины и подростки. Ежемесячно фиксируются десятки фактов жестокого обращения в учреждениях закрытого типа — следственных изоляторах, изоляторах временного содержания, приемниках–распределителях, психиатрических больницах, интернатах и детских домах».
http://members.vb.kg/2012/05/25/inkviz/1_print.html

В случае административного задержания лица, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, срок задержания исчисляется со времени его «вытрезвления»¹⁹, при этом закон не содержит определения «состояния опьянения» и «момента вытрезвления». Такая размытая формулировка дает возможность правоохранительным органам для злоупотребления и незаконного задержания неопределенного круга лиц без официальной регистрации на срок более трех часов – максимального срока, отводимого законодательством для составления протокола. Также необходимо отметить, что сроки задержания без предъявления обвинения, предусмотренные в административном законодательстве (72 часа), противоречат Конституции, где для этих целей указано 48 часов.

1.2. Своевременный доступ к защите

Согласно законодательству Кыргызской Республики, уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон обвинения и защиты. При задержании человеку гарантируется право на защитника с момента фактического доставления его в орган дознания. Несмотря на требование уголовно-процессуального законодательства о том, что в Кыргызской Республике не должны издаваться законы, нарушающие состязательную форму процесса²⁰, осенью 2011 года были внесены поправки в Закон «О порядке и условиях содержания под стражей лиц, задержанных по подозрению и обвинению в совершении преступлений», которые существенно затрудняют доступ адвоката к своим подзащитным. Согласно статье 17 этого закона, защитнику для осуществления свидания со своим подзащитным необходимо предъявить среди прочих документов письменное подтверждение о его участии в уголовном деле, выданное следователем, прокурором или судьей, в производстве которого находится уголовное дело. Данное требование является существенным препятствием для обеспечения права на защиту, ставя адвоката в прямую зависимость от следователей и прокуроров. Часто, на практике получение письменного подтверждения занимает много усилий и времени, особенно когда дела касаются пыток и жестокого обращения и фактически превращается в получение разрешения. По результатам мониторинга ИВС группами гражданского общества, практически все опрошенные адвокаты испытывали трудности при получении такого «разрешения» на свидание со своими подзащитными.

Так, адвокат задержанного 11 июня 2012 года Закира Касымова Азамат Аманов больше недели не мог увидеть своего подзащитного и ознакомиться с материалами дела, к которым в соответствии с процессуальным законодательством ему должен быть обеспечен доступ. По его словам, этому препятствовал следователь Первомайского РОВД г. Бишкек Жакып Баракбаев. Только после заявления в прокуратуру адвокату удалось ознакомиться с требуемыми материалами дела и получить свидание с подзащитным. Как показывает практика, обычно адвокатов не пускают к заключенным в случаях, если было применено насилие, и следователи тянут время, пока исчезнут следы побоев.

Согласно статье 40 УПК КР, при задержании лицо имеет право на защитника с момента фактического доставления его в орган дознания. Согласно статье 44 УПК КР, защитник участвует в деле с момента первого допроса подозреваемого (обвиняемого), свидетеля или фактического лишения свободы подозреваемого (обвиняемого). Разницу в двух статьях ликвидировала Конституция, установив в части 5 статьи 24 общее правило, согласно которому лицу, лишенному свободы, предоставляется право пользоваться квалифицированной юридической помощью адвоката, а также иметь защитника с момента фактического лишения свободы. Однако на практике требования ни одной из

¹⁹ Ст. 565 Кодекса об административной ответственности

²⁰ Ст. 1(4) Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики

приведенных статей не соблюдаются со всей строгостью. По результатам мониторинга ИВС группой правозащитных организаций²¹, 53,9% опрошенных отметили, что адвокат при допросах не участвовал, и 33,2% указали на отсутствие адвоката при рассмотрении судом дела и во время вынесения приговора.

Другая составляющая проблемы доступа к эффективной защите является участие так называемых «дежурных» или «бесплатных» адвокатов, предоставляемых за счет государства. Согласно результатам мониторинга ИВС, в 2011 году в 62,7% случаях адвокат участвовал по назначению государства и лишь в 27,5% случаев – по соглашению с задержанным. Такие «дежурные» адвокаты часто не предоставляют квалифицированной адвокатской помощи и редко участвуют в процессуальных действиях, а только лишь выполняют формальные требования законодательства по подписанию необходимых протоколов и документов. Нередко такие «защитники» работают в тесном сотрудничестве с правоохранительными органами, иногда даже способствуя применению пыток и жестокого обращения.

Отсутствие механизмов проверки качества работы адвокатов, работающих в рамках бесплатной юридической помощи, ведет к снижению качества предоставляемых ими услуг и повсеместному нарушению профессиональных стандартов этики адвоката. На настоящий момент, по мнению экспертов, юридическая помощь за счет средств государства не является эффективной.

В январе 2011 года вступил в силу Закон «О гарантированной государством юридической помощи». Основной целью этого закона является создание условий для реализации гражданами Кыргызстана гарантированного Конституцией права на квалифицированную юридическую помощь при отсутствии у них средств путем создания эффективной системы соблюдения законов и предоставления юридической помощи. В соответствии с указанным законом должен проводиться отбор адвокатов в специальный Государственный реестр по оказанию гарантированной юридической помощи. По состоянию на июнь 2012 года в результате отбора, организованного Национальным советом по гарантированной государством юридической помощи при Президенте КР, в Государственный реестр были включены более 150 адвокатов. Однако, как следует из заключений Министерства юстиции, до сих пор продолжает существовать практика назначения адвоката не из Государственного реестра. В целях исключения такого явления, эксперты страны предлагают включить в УПК положение о том, что адвокаты должны назначаться только из Государственного реестра.

По-прежнему актуальным также остается вопрос о создании общественной организации адвокатов. Анализ проекта Закона «Об адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности», проведенный «Центром исследования правовой политики» при поддержке «Freedom House»²², показал, что проект Закона нуждается в серьезной доработке. Однако законопроект уже находится на обсуждении Жогорку Кенеша. Необходимо, чтобы законопроект решил проблему с обеспечением доступа к адвокату, притом, что каждому должна быть обеспечена возможность защищать себя посредством выбранного им самим защитника, включая защитников из государственного реестра. Только так гарантии

²¹ Азимов У.Х., Саякова Д.Ш., Эсенаманова Э.А. «Предупреждение пыток в изоляторах временного содержания органов внутренних дел Кыргызской Республики» – Б.; 2011 г., стр.81-82

²² А.С.Пашин «Экспертное заключение в связи с проектом Закона Кыргызской Республики «Об адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности» - Центр исследования правовой политики при поддержке Freedom House – Алматы, 2010

http://www.lprc.kz/ru/index.php?option=com_content&task=view&id=171

защиты от пыток могут быть обеспечены в соответствии с минимальными стандартами в сфере прав человека.

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает право адвоката общаться со своим подзащитным наедине без ограничения количества и продолжительности бесед.²³ Однако на практике не единичны случаи, когда адвокаты не имеют возможности общения со своими подзащитными в условиях полной конфиденциальности.

Правозащитник Азимжан Аскарков находился в полном отсутствии связи с внешним миром практически два месяца с момента его задержания 15 июня 2010 года. На запросы его адвоката Нурбека Токтакунова о встрече со своим подзащитным сотрудники изолятора временного содержания отвечали отказами, ссылаясь на необходимость предоставления письменного разрешения прокурора или следователя. Когда адвокат обратился к заместителю прокурора Базар-Коргонского района за разрешением, он получил отказ, ссылаясь на некие внутренние правила, якобы, запрещающие конфиденциальные встречи адвокатов с обвиняемыми. Таким образом, адвокат не смог встретиться с Аскарковым наедине. Встреча проходила в присутствии конвоиров на расстоянии слышимости. Во время встречи Аскарков с трудом мог общаться со своим адвокатом. Адвокат осмотрел тело Аскаркова в поисках признаков пыток и сфотографировал несколько крупных синяков на нижней части спины. Аскарков прошептал и написал на листе бумаги, что был избит, но боится говорить об этом вслух. Аскарков сообщил, что его избивали в течение нескольких дней после задержания.

Как видим, основная проблема в Кыргызстане – неспособность добросовестно придерживаться предусмотренных законом гарантий защиты от пыток и жестокого обращения в момент и после задержания: право на своевременное уведомление близких; право быть осмотренным врачом в момент составления протокола задержания; регистрация фактического времени задержания; обеспечение процессуальных прав подозреваемого с момента фактического задержания.

Гарантией защиты от пыток также является проведение эффективного расследования сообщений о пытках.

2. Быстрое и эффективное расследование сообщений о пытках

Быстрому и эффективному расследованию сообщений о пытках в Кыргызстане препятствует ряд факторов: (1) отсутствие эффективных каналов подачи жалоб; (2) трудность применения на практике статьи 305-1 УК Кыргызской Республики вследствие ее несоответствия Конвенции ООН против пыток; (3) отсутствие надлежащего органа расследования, способного проводить быстрые и эффективные расследования сообщений о пытках; и (4) отсутствие эффективного медицинского освидетельствования.

2.1. Отсутствие эффективных каналов подачи жалоб

В соответствии с Конвенцией ООН против пыток, государство обязано расследовать любые сообщения о пытках. Комитет ООН против пыток указывает, что необязательно наличие формальной письменной жалобы для наступления у государства обязательства по расследованию таких случаев. Комитет также подчеркивает, что рассмотрение таких жалоб и заявлений о пытках должно проводиться незамедлительно.

²³ Статьи 42 и 48 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики

Согласно уголовно-процессуальному законодательству о порядке и условиях содержания под стражей, лица, содержащиеся под стражей, имеют право подавать жалобы на действия сотрудников правоохранительных органов. На практике же такие лица не имеют возможности подавать жалобы в силу различных причин: отсутствие надлежащих условий для составления жалобы (отсутствие бумаги, ручки или соответствующего освещения); страх быть наказанным; отсутствие компетентных адвокатов; общее недоверие к системе. Подавляющее большинство потерпевших от жестокого обращения и пыток предпочитают не обращаться с заявлениями, небезосновательно считая такие действия не только бесполезными, но и опасными.

2.2. Трудность применения на практике статьи 305-1 УК КР

Статья 305-1 «Пытки» была внесена в Уголовный кодекс Кыргызской Республики в 2003 году и, в целом, соответствует определению пыток, предусмотренному в Конвенции ООН против пыток, с некоторыми оговорками.

Во-первых, национальное законодательство ответственность за применение пыток распространяет только на «должностных лиц». Ответственность «иных лиц, выступающих в официальном качестве», Уголовным кодексом Кыргызской Республики в нарушение статьи 1 Конвенции против пыток не предусмотрена.

Также уголовное законодательство Кыргызстана перечисляет ограниченный круг причин, по которым человек может подвергнуться пыткам – получение от задержанного, подозреваемого признания под давлением. Законодательство не предусматривает, что человека можно подвергнуть пыткам с иной целью или что пытки можно применять для получения сведений от третьего лица, как упомянуто в Конвенции. Так, в действующей редакции статьи 305-1 УК КР нет упоминания о «третьем лице», хотя согласно конвенционному определению, пытки могут причиняться лицу с целью получения сведений или признаний от него или «от третьего лица», наказания его за действие, которое совершил он сам или «третье лицо», а также запугивания или принуждения его или «третьего лица».

Затруднительно и то, что для того, чтобы жестокое обращение квалифицировалась как пытка в соответствии с определением, содержащимся в ст. 1 КПП, статьей 305-1 УК КР не требуется наличия «сильной» боли, что, казалось бы, позволяет запретить и другие формы жестокого обращения, граничащие с «пыткой» или приводящие к ней. Таким образом, диспозиция статьи 305-1 УК КР, не позволяя различать «пытки» и «жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство виды обращения или наказания», преследуемые в настоящее время по таким статьям УК КР как «Халатность», «Принуждение к даче показаний» или «Превышение должностных полномочий», не запрещает ни пытки в понимании статьи 1 КПП, ни иные формы жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания в понимании статьи 16 КПП.

Это приводит к тому, что следователи, опасаясь, что прокурор или судья не согласятся с его мнением в вопросе квалификации деяния по статье 305-1 УК и вернут дело на «доследование», предпочитают не работать по этой статье, памятуя о том, что количество возвращенных для восполнения пробелов следствия дел является важным фактором, влияющим на оценку качества его работы. В результате, пытки продолжают квалифицироваться как более привычные «Халатность» или «Превышение должностных полномочий».

Кроме того, в соответствии со статьей 26 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, «пытка» относится к делам частно-публичного обвинения. При отказе потерпевшего от поддержания своего обвинения, уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению. Существующие нормы позволяют лицам, виновным в применении пыток, найти «подходы» к жертвам пыток и заставить их забрать заявление.

Другим фактором, препятствующим быстрому и эффективному расследованию сообщений о пытках, является отсутствие независимого механизма расследования.

2.3. Отсутствие надлежащего органа расследования

Международно-правовые документы в области защиты прав человека требуют, чтобы расследование сообщений о пытках было (а) беспристрастным, (б) оперативным и (в) эффективным.

В Международном пакте о гражданских и политических правах (МПГПП) говорится о том, что «каждое Государство обязуется обеспечить любому лицу, права и свободы которого нарушены, эффективное средство правовой защиты». Конвенция ООН против пыток (КПП) также обязывает государство-участника гарантировать, «чтобы его компетентные органы проводили быстрое и беспристрастное расследование, когда имеются достаточные основания полагать, что пытка была применена на любой территории, находящейся под его юрисдикцией», при этом рассмотрению подлежат любые, в том числе устные, сообщения о пытках. Заключение Комиссара Совета Европы по правам человека «О независимом и эффективном рассмотрении жалоб против действий полиции» от 2009 года уточняет, что «система жалоб против действий полиции должна быть понятной, открытой и доступной[,] эффективной и должным образом обеспечиваться ресурсами, [а также] способствовать развитию подходов, опирающихся на заботу о людях». Европейский суд по правам человека разработал 5 принципов проведения эффективного расследования жалоб на пытки:

- **Независимость:** не должно быть институциональных или иерархических связей между лицами, проводящими расследования, и сотрудником полиции, на которого была подана жалоба, и должна существовать независимость на практике;
- **Адекватность:** расследование должно иметь возможность собирать свидетельства для определения того, было ли поведение сотрудника полиции, на которого подана жалоба, незаконным, а также выявлять и наказывать ответственных лиц;
- **Оперативность:** расследование должно проводиться быстро и активно, для того чтобы поддерживать доверие к принципу верховенства права;
- **Общественный надзор:** процедуры и процесс принятия решений должны быть открытыми и прозрачными для обеспечения подотчетности; и
- **Участие пострадавших:** заявители, должны участвовать в процессе рассмотрения жалоб для обеспечения своих законных интересов».

В Кыргызстане преступления по статьям Уголовного кодекса «Пытки» (статья 305-1), «Превышение должностных полномочий» (статья 304), «Халатность» (статья 316) и некоторым другим предполагают т.н. исключительную подследственность, т.е. расследуются исключительно следователями органов прокуратуры, согласно части 3 статьи 163 УПК КР.

Вместе с тем, некоторые жестокие, бесчеловечные, унижающие достоинство деяния расследуются государственными органами одной ведомственной подчиненности со

службами, чьи сотрудники обвиняются в совершении этих деяний. Так, преступление «Принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний» (статья 332 УПК КР) подлежит расследованию силами Министерства внутренних дел, органов национальной безопасности, органов по контролю наркотиков, финансовой полиции, уголовно-исполнительной системы или таможенных органов и не относится к подследственности прокуратуры.

Расследование сообщений о пытках стало исключительной прерогативой органов прокуратуры лишь недавно. Летом 2010 года Конституция Кыргызской Республики наделяет Генеральную прокуратуру полномочиями по уголовному преследованию должностных лиц. Через год вносятся изменения в Уголовно-процессуальный кодекс страны с целью приведения его в соответствие с новым требованием Конституции. В развитие измененной статьи 163 УПК КР, 6 сентября 2011 года Генеральной прокуратурой издается Указание №70-у, обязывающее органы прокуратуры «при установлении признаков состава преступлений по фактам применения пыток и других бесчеловечных, жестоких или унижающих достоинство видов обращения или наказания безотлагательно возбуждать уголовные дела, со взятием их под особый контроль», а также «поручать расследование уголовных дел по фактам применения пыток и других бесчеловечных, жестоких или унижающих достоинство видов обращения или наказания наиболее опытным работникам», а «расследование проводить полно, объективно, всесторонне с привлечением к уголовной ответственности всех виновных лиц».

Вместе с тем, наблюдатели не отметили положительных изменений в количестве и качестве уголовных преследований за пытки за период, прошедший со времени внесения изменений в законодательство.

Дело в том, что, не располагая оперативными возможностями, прокуроры при сборе материалов и доказательств вынуждены полагаться на оперативно-розыскные службы, действия сотрудников которых часто могут становиться предметом прокурорской проверки. Понятно, что подобная зависимость прокуроров от правоохранительных органов не способствует объективности и беспристрастности расследований. В связи с этим, в интересах эффективности расследований сообщений о пытках прокуратуру следовало бы обеспечить соответствующими оперативными возможностями либо предусмотреть создание иного независимого органа расследования сообщений о пытках.

Вместо положенной регистрации в порядке приема и регистрации заявлений о пытках, такие сообщения часто оформляются в виде жалоб на действия отдельных сотрудников правоохранительных органов. В отличие от заявлений о преступлении, жалобы рассматриваются в служебном (дисциплинарном) порядке. Такие проверки носят конфиденциальный, закрытый характер и, как правило, ограничиваются получением объяснений от потенциальных подозреваемых. Заявитель при этом, не являясь «потерпевшим» в смысле статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса, не обладает правами, предусмотренными статьей 50 УПК, например, правом предъявлять доказательства; заявлять ходатайства; знакомиться с материалами дела. В большинстве случаев, такие проверки заканчиваются отказом предпринимать действия по просьбе заявителя. Конечно, истцу, в отсутствие доступа к доказательствам или материалам дела, оспорить результаты служебных проверок практически не представляется возможным.

В своем кратком докладе, подготовленном по итогам визита в Кыргызстан в 2011 году, Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках оценил работу кыргызской Генеральной прокуратуры по расследованию сообщений о пытках в целом как «неудовлетворительную». Указывая на причины низкого качества работы прокуратуры по

расследованию сообщений о пытках, Специальный докладчик отметил, что «прокуроры не принимают все возможные меры для проверки обвинений в применении пыток. В ряде случаев прокуроры полагались на неоднозначные выводы судебно-медицинской экспертизы, принимая решение не проводить расследования; в других случаях прокуроры не допрашивали пострадавших об их заявлениях, а также не принимали никаких мер для опроса свидетелей или медицинского персонала».

Комитет ООН по правам человека в своих решениях по индивидуальным жалобам²⁴ в отношении Кыргызстана также указывает на неубедительность доводов республики о том, что «ее власти оперативно и надлежащим образом рассмотрели заявление автора о применении пыток».

2.4. Отсутствие эффективного медицинского освидетельствования

Говоря о качестве медицинского освидетельствования в Кыргызстане, стоит заметить, что несмотря на требование статьи 40 УПК КР о том, что «при каждом доставлении подозреваемого или обвиняемого в изолятор временного содержания, а также при поступлении жалобы от него самого, его защитника, родственников о применении к нему физического насилия со стороны работников органов дознания и следствия он подлежит обязательному медицинскому освидетельствованию с составлением соответствующего документа», на практике часто медицинское освидетельствование не соответствует требованиям, предъявляемым к данной процедуре, и носит формальный характер. При осмотрах врачи чаще всего фиксируют не все имеющиеся травмы. Такие действия врачей объясняются их зависимостью от государственной системы. В результате, лицам, пострадавшим от пыток, тяжело задокументировать физические повреждения и доказать факт применения пыток. Также не всегда медицинское освидетельствование проводится при каждом доставлении задержанного в изолятор временного содержания. Нередко медицинское освидетельствование проводится только один раз и носит формальный характер. В республике также отсутствует практика независимых судебно-медицинских экспертиз. В настоящее время все медицинские освидетельствования и экспертизы производятся сотрудниками местного бюро судебно-медицинской экспертизы. Хотя судебно-медицинская экспертиза находится в ведении Министерства здравоохранения, сотрудники все же не являются независимыми от правоохранительных органов и часто не заинтересованы в тщательном фиксировании всех травм.

Таким образом, в Кыргызстане не соблюдаются основные требования, предъявляемые к расследованию сообщений о пытках: независимость, адекватность, оперативность и участие потерпевших, что отражается на эффективности проводимых расследований.

3. Соответствующее наказание за пытки

С момента криминализации пыток в 2003 году в Кыргызстане по данной статье не вынесено ни одного обвинительного приговора, несмотря на многочисленность и постоянность заявлений о пытках. На практике многие заявления о пытках остаются без должного расследования, и только в последние два года по небольшому количеству дел удается временами возбуждать уголовные дела. По данным Генеральной прокуратуры, в 2010 году было возбуждено 34 уголовных дела и 54 дела – в 2011 году. Согласно данным Верховного суда Кыргызской Республики, судами за весь период криминализации пыток с 2003 года было рассмотрено всего 3 дела, возбужденных по статье «Пытка». Однако во

²⁴ См. Ахадов против Кыргызстана, сообщение № 1503/2006, решение от 25 марта 2011 г.; Гунан против Кыргызстана, сообщение 1545/2007, решение от 25 Июля 2011 г.

всех случаях суд оправдал подсудимых за недоказанностью вины в совершении преступлений.

Отсутствие обвинительных приговоров за пытки в смысле статьи 305-1 УК КР может говорить либо об отсутствии пыток как наиболее тяжелой формы жестокого обращения со стороны представителей власти, примененного с определенной целью, либо об отсутствии надлежащего расследования и судопроизводства.

По идее, ожидать, что количество пыток (в понимании статьи 1 Конвенции ООН против пыток) будет превышать количество случаев другого жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, было бы неправильно. Действительно, не каждое применение силы представителем власти есть пытки, а является, скорее, либо «жестоким», либо «бесчеловечным», либо «унижающим достоинство» обращением. С другой стороны, полное отсутствие приговоров по делам о пытках удивляет и настораживает, притом, что в прессе регулярно обсуждаются случаи смертельных исходов в местах содержания под стражей или от рук сотрудников органов милиции или других «силовых» структур.

Ярким примером является дело Усмонжона Холмирзаева, гражданина Российской Федерации, проживавшего в Базар-Коргонском районе Джалал-Абадской области. Холмирзаев был задержан у себя дома оперативными сотрудниками Базар-Коргонского РОВД в штатском без предъявления ордера и доставлен в местное отделение милиции, где подвергся жестоким пыткам в виде побоев ногами, удушения и истязания с целью вымогательства нескольким милиционерами. После уплаты денег Усмонжон Холмирзаев был отпущен домой, где ему стало хуже. После доставления в больницу на другой день он скончался.

Это дело, казалось бы, - классический пример пыток: тяжкие последствия в виде смерти, должностной субъект в виде сотрудников РОВД, мотив к получению денег, умысел на причинение боли и страданий. Однако, суд не находит вины в действиях подсудимых и направляет дело на дополнительное расследование.

Одним из недостатков криминализации пыток в Кыргызстане является незначительность предусматриваемого законом наказания. Максимальный срок наказания за пытки сейчас составляет пять лет лишения свободы, что считается «мягким наказанием, неспособным удержать от причинения пыток»²⁵. Более того, размер наказания, согласно части 2 статьи 9 УК КР, определяет тяжесть преступления, при этом преступление «Пытки», в силу незначительности предусматриваемого статей 305-1 УК КР наказания, является «менее тяжким» преступлением (статья 11 УПК КР), а менее тяжкие преступления, согласно уголовному законодательству страны, предполагают освобождение виновного лица от ответственности либо вследствие применения акта амнистии, либо «по достижении согласия с потерпевшим» (статья 66 УК КР), либо с «передачей на поруки» (статья 66-1 УК КР), либо по истечении 3-летнего срока давности. Все это является нарушением абсолютного запрета на пытки и способствует безнаказанности виновных.

По словам Специального докладчика ООН по вопросу пыток, если «по фактам пыток практически ничего не делается, и преступники остаются безнаказанными», то это подрывает «доверие людей к судебной власти и к справедливости и предсказуемости ее решений».

²⁵ Возвращение международного запрета пыток домой, «Redress Guide», январь 2006 г.

4. Исключение доказательств, полученных в результате применения пыток или иных видов жестокого обращения

Согласно данным ОБСЕ, полученным в 2006 году по результатам мониторинга судебных разбирательств в Кыргызстане, лишь в 39,8% случаях со стороны суда следует какая-либо реакция на заявление подсудимого о том, что признательные показания на следствии были получены с применением пыток.²⁶ В основном, реакция выражалась в том, что председательствующий вызывал в судебное заседание дознавателей и следователей, которые, естественно, отрицали какое-либо насилие или психологическое давление. Более эффективных мер по проверке заявлений подсудимого не предпринималось, в связи с чем действия суда в этих случаях наблюдателями были оценены как неэффективные.

Специальный докладчик ООН по вопросу пыток подтвердил, что если подсудимый заявляет во время судебного разбирательства, что признательные показания были получены под пытками, суды или игнорируют такие заявления, или проводят поверхностное расследование, просто опрашивая сотрудников милиции в суде.²⁷ После отрицания сотрудниками применения пыток судья заключает, что обвинения подсудимого необоснованны, и их следует рассматривать как попытку избежать правосудия.

Комитет ООН по правам человека в своих решениях по индивидуальным сообщениям в отношении Кыргызстана отмечал, что «компетентными органами Кыргызстана не уделяется должного внимания жалобам [жертв пыток о том], что [они] подвергались физическому воздействию».²⁸

Гораздо реже, лишь в 26,3% случаях, на заявление подсудимого о применении к нему пыток следовала какая-либо реакция со стороны прокурора, поддерживавшего по делу государственное обвинение. На практике, заявление подсудимого о применении к нему пыток прокурорами обычно парируется стандартным образом. Обвинение заявляет, что если бы к обвиняемому действительно были применены пытки, он мог бы обратиться с жалобой к прокурору до начала судебных разбирательств. Поскольку им это сделано не было, нет оснований ставить под сомнение признательные показания.

Вместе с тем, исключение показаний, полученных в результате пыток или других видов принуждения из числа доказательств по делу, является одним из важнейших стандартов справедливого судопроизводства и предупреждения пыток.

Статья 15 Конвенции против пыток возлагает на государства обязательство обеспечить, чтобы любое заявление, которое, как установлено, было сделано под пыткой, не использовалось в качестве доказательства в ходе любого судебного разбирательства, за исключением случаев, когда оно используется против лица, обвиняемого в совершении пыток, как доказательство того, что пытка имело место.

Специальный докладчик ООН по вопросам пыток отметил, что получил сведения, согласно которым в Кыргызстане признания, полученные под пытками, не исключаются безоговорочно как доказательство в суде.²⁹ Он рекомендовал Кыргызстану помнить о том, что правила доказывания и их неверная интерпретация не должны служить стимулом для противоправных действий сотрудников органов внутренних дел и следователей;

²⁶ Результаты мониторинга судебных разбирательств в Кыргызской Республике, БДИПЧ ОБСЕ 2007 год, стр.9 <http://www.osce.org/ru/odihr/28780>

²⁷ Спец. докладчик против пыток, пар. 46.

²⁸ Краснов против Кыргызстана, сообщение № 1402/2005, решение от 29 марта, 2011 г.

²⁹ Спец. докладчик против пыток, пара. 46.

исключение из рассмотрения недопустимых доказательств во время судебного разбирательства является одним из эффективных средств борьбы с противоправными действиями и злоупотреблениями в ходе уголовного расследования.³⁰

Аналогичные рекомендации были озвучены Специальным докладчиком ООН по независимости судей по результатам поездки в страну в 2005 году.³¹

Конституция и УПК КР запрещают использование признаний, которые получены «с нарушением уголовно-процессуального закона». Однако, в практике уголовного судопроизводства использование признаний, добровольность которых вызывает существенные сомнения, достаточно распространено. Это частично объясняется тем, что, кроме упомянутого общего положения относительно недопустимости доказательств, в уголовном процессе, отсутствуют более или менее выработанные критерии для определения добровольности признаний, а также процедуры для их исключения из процесса доказывания.

Один из выходов из сложившейся ситуации предложила Рабочая группа в составе международных экспертов, судей, адвокатов и представителей органов прокуратуры еще в 2007 году. Предложенные Рабочей группой поправки в пункт 1 части 4 статьи 81 УПК КР позволят признавать недопустимыми доказательствами показания подозреваемого, обвиняемого о совершении уголовно-наказуемого деяния, данные на досудебном следствии по уголовному делу, но не подтвержденные им в суде.

По мнению Рабочей группы, предлагаемые поправки, в случае если они будут приняты, позволят исключить если не все, то значительную часть поводов для применения пыток, поскольку «выбивание» доказательств станет бессмысленным.

Предложения большинства реформаторов-процессуалистов сводятся к процессуальным новшествам. Одни предлагают ввести в уголовный процесс предварительное слушание по делу на примере уголовного процесса Российской Федерации. В российском судопроизводстве заявление об исключении из числа доказательств является самостоятельным основанием для назначения по делу предварительного слушания. Другие процессуалисты предлагают выделить и «расписать» в рамках действующего порядка судебного разбирательства обособленную стадию, специально предназначенную для проверки допустимости доказательств, в частности признательных показаний, когда подсудимый заявляет о фактах принуждения при их получении.

4. Мониторинг мест ограничения или лишения свободы

Еще одной обязательной гарантией защиты от пыток является гражданский мониторинг всех мест содержания под стражей. Считается, что чем более открытыми и прозрачными являются места содержания под стражей, тем меньше в них будет нарушений. Такой мониторинг может осуществляться в виде Национального механизма по предупреждению пыток (Национальный превентивный механизм – НПМ).

Идея подхода к предупреждению пыток в виде НПМ закреплена в Факультативном протоколе к Конвенции ООН против пыток, который был принят Генеральной Ассамблеей ООН (ООН18) в декабре 2002 года.

³⁰ Спец. докладчик против пыток, пара. 81 (f).

³¹ Спец. докладчик по независимости судей, пара. 83.

Кыргызстан, одним из первых в Центральной Азии, присоединился к Факультативному протоколу и выразил намерение взять на вооружение те преимущества, которые предоставляет это международный документ в борьбе с жестокостью.

В результате длительных обсуждений, 7 июня 2012 года Жогорку Кенеш Кыргызской Республики принял в третьем чтении закон «О Национальном центре по предупреждению пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания», который будет выполнять функции НППМ в соответствии с Факультативным протоколом к Конвенции против пыток.

При обсуждении модели НППМ, законопроекта был вовлечен широкий круг субъектов, включая представителей органов государственной власти, гражданского общества, Акыйкатчы (Омбудсмана), а также международные организации, деятельность которых направлена на предупреждение пыток во всем мире.

В Законе четко прописано право доступа НППМ в места содержания под стражей без предварительного уведомления, право НППМ самостоятельно выбирать и комплектовать штат сотрудников, основываясь на требованиях и критериях, которые он определяет также самостоятельно. При отборе членов НППМ будет соблюдаться гендерный баланс и требование обязательной представленности соответствующих профессий, национальностей и людей с ограниченными возможностями.

НППМ по результатам посещений будет предлагать рекомендации по принятию мер и улучшению ситуации, а конкретные государственные органы обязаны учитывать эти рекомендации и вступать в диалог с НППМ для обсуждения выполнения этих рекомендаций.

Благодаря активности гражданского общества, активно идущего на конструктивный диалог с представителями власти при определении путей искоренения пыток, в Кыргызстане будет учреждена уникальная модель НППМ, которая станет реально эффективным рабочим органом, а его учреждение – новым реальным шагом на пути к предотвращению пыток.

5. Компенсация и реабилитация жертв пыток

Гарантией защиты от пыток также служит своевременная и адекватная компенсация жертвам пыток.

В Кыргызстане добиться удовлетворения гражданского иска по получению денежной компенсации вследствие применения пыток можно лишь в том случае, если виновные осуждены. Как отмечалось в совместном представлении в рамках Универсального периодического обзора (УПО), подготовленном Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека и группой правозащитных НПО, выступающих против пыток, «кыргызское законодательство не позволяет жертвам пыток получать компенсацию в рамках гражданского дела до тех пор, пока лица, применявшие пытки, не будут признаны судом виновными в рамках уголовного дела».³²

РЕКОМЕНДАЦИИ

³² Краткий доклад, подготовленный Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека в соответствии с п. 15 (с) приложения к Резолюции 5/1 Совета по правам человека, U.N. Doc. A/HRC/WG.6/8/KGZ/3, в п. 28.

1. Разработать методологию и выделить достаточные финансовые средства для эффективной и устойчивой работы Национального центра Кыргызской Республики по предупреждению пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.
2. Создать межведомственный орган, в рамках которого проводить институциональные консультации с гражданским обществом для систематической координации и выполнения Кыргызской Республикой международных обязательств в области прав человека, а также обеспечить этот орган человеческими и другими ресурсами, необходимыми для своевременной подготовки национальных докладов в комитеты ООН и Универсальный Периодический Обзор, а также другие международные механизмы по правам человека.
3. Внести в ст. 305-1 («Пытка») УК КР изменения в целях обеспечения криминализации пыток в полном соответствии с требованиями Конвенции ООН против пыток, полноты и правильности имплементации конвенционного понятия «пытка». При этом обеспечить расширение перечня факультативных признаков субъективной стороны состава пытки, как того требует Конвенция ООН против пыток (цель и умысел), ужесточить санкции за пытки, что позволит квалифицировать преступление как тяжкое и особо тяжкое. Пытка как преступление должна быть запрещена в абсолютном смысле, не оставляя никаких лазеек для применения амнистий, несоответствующих наказаний, помилований, альтернативных и условных приговоров.
4. Внести изменения в ст. 4 Закона КР «Об общих принципах амнистии и помилования», с тем чтобы применение амнистии и помилования не допускалось в отношении осужденных за совершение преступления, предусмотренного ст. 305-1 УК КР.
5. Ввести абсолютный запрет на использование показаний, полученных с применением пыток. Учитывая абсолютный характер запрета на пытки, уголовное законодательство должно ясно и четко предусматривать правило об исключении доказательств, полученных с применением пытки.
6. Обеспечить внешний контроль за оперативно-розыскной службой и ее деятельностью и привести «Закон об оперативно-розыскной деятельности» в соответствие с Конституцией.
7. Передать Главный информационный центр (ГИЦ) из ведения МВД в ведение Генеральной прокуратуры, обеспечив прозрачность процесса сбора и обработки данных о состоянии преступности в стране.
8. Внести изменения в УПК КР, с тем чтобы приоритет отдавался показаниям, даваемым во время судебного процесса в целях пресечения фактов «выбивания» признательных показаний со стороны сотрудников правоохранительных органов в ходе следствия. В ст. 81 УПК КР («Доказательства») закрепить норму, устанавливающую, что показания подозреваемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу, но не подтвержденные им в суде, являются недопустимыми доказательствами.
9. Внести изменения в ст. 17 Закона о порядке содержания под стражей и исключить требование о том, что «защитнику свидание предоставляется при наличии у него письменного подтверждения об участии защитника в уголовном деле, выданном следователем, прокурором или судьей, в производстве которого находится уголовное

дело», которое идет в нарушение принципа равенства сторон в процессе и права подозреваемого на защиту.

10. Исключить из ст. 325 УПК КР «Освобождение подсудимого из-под стражи» положение о том, что при оправдании подсудимого, а также при постановлении обвинительного приговора без назначения наказания или с освобождением от отбывания наказания, или осуждением условно, или осуждением к наказанию, не связанному с лишением свободы, или прекращением производства по уголовному делу, подсудимый, находящийся под стражей, подлежит немедленному освобождению как только приговор вступит в законную силу.
11. Ввести в законодательство гарантии права всех лиц на адвоката при любом контакте с правоохранительными органами, ограничивающем их законные права и интересы, независимо от процессуального оформления их статуса.
12. Расширить существующие гарантии защиты от пыток, предусмотрев:
 - a. Регистрацию фактического задержания с момента лишения свободы;
 - b. Обеспечение процессуальных прав подозреваемого всем содержащимся под стражей лицам, проходящим по уголовному делу, с момента фактического задержания;
 - c. Судебный пересмотр законности фактического задержания по требованию задержанного в первые часы после составления протокола задержания;
 - d. Обеспечение права задержанного подозреваемого на своевременное уведомление близких;
 - e. Обеспечение права подозреваемого быть осмотренным врачом в момент регистрации и позднее (по необходимости).
13. Создать независимый специализированный орган по рассмотрению заявлений и жалоб о пытках для обеспечения быстрого, беспристрастного и тщательного расследования случаев пыток. Предусмотреть возможность общественного контроля за работой вышеуказанного органа и за ходом расследования по фактам применения пыток.
14. Проводить тщательное расследование по каждому случаю жестокого обращения или пыток, выделяя дела данной категории в отдельное производство в соответствии с подразделением или органом, где была применена пытка.
15. Предусмотреть особый порядок расследования дел о пытках, сведя к минимуму срок работы, и проведения расследований каждого сообщения о пытках.
16. Инициировать введение института независимой медицинской экспертизы, тем самым содействовать отмене существующей монополии деятельности государственной судебно-медицинской экспертизы.
17. Разработать государственную стратегию по предупреждению пыток и жестокого обращения в местах содержания под стражей и улучшению условий содержания, обеспечить координацию и отслеживание ее исполнения, а также предусмотреть участие государственных органов в ее реализации.